
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОЗА КАЗАХСТАНА ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ

А.О. Азизова, Б.У. Джолдасбекова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Проспект аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050038

В данной статье рассматривается проблема современного человека и традиционного искусства в современном мире.

На основе анализа произведения Т. Асемкулова «Полдень» и Д. Амантая «Цветы и книги» раскрывается проблема утраты и отчуждения традиционной культуры в поле обитания «современной эпохи».

Акцентируя внимание на образах, являющихся сакральным центром так называемых священных ценностей, авторы статьи подчеркивают мастерство художника, создавшего облик современного человека, «почвенника Аджигерея», отдаленного от своих современников, и молодого писателя Алишера, мечтающего сотворить книгу истории. Оба они являются продолжателями народной духовной традиции. Если в прозе Т. Асемкулова мир высокой традиционной культуры «уходит под воду», то у Д. Амантая «время литературы уходит в прошлое». В статье приведены примеры, которые раскрывают проблему отчуждения традиционной культуры и которые рисуют картину межкультурного диалога и цивилизации в прозе писателей периода независимости.

Ключевые слова: традиция, культура, искусство, духовная традиция, мировоззрение, толерантность

Авторские интенции современных писателей устремлены к осмыслению роли духовной традиции, преемственности и разрыва с ней в условиях кризиса традиционной культуры. История развития литературы в Казахстане является ярким свидетельством наличия в нашей республике особой литературоведческой и критической ситуации, когда неоднократная смена общественных, политических и культурных ценностей естественным образом вызывала «потрясения» на уровне сознания, морали, поведения личности и, соответственно, отражалась в художественном творчестве. Вдумчивое, глубокое и всестороннее освещение различных аспектов взаимодействия устоявшейся в веках духовной традиции предков и новых тенденций в развитии современного казахского общества, его литературы и искусства содержится в трудах известного деятеля науки нашей страны, лауреата многочисленных премий в области литературоведения, доктора филологических наук, профессора К.А. Абдезулы, ставших заметным явлением в современной науке о литературе [1; 2].

Материалом для данной статьи послужили два произведения разных авторов, отмеченные премиями в рамках конкурса «Современный казахский роман», проведенного «Фондом Сорос-Казахстан». Так, основная тема одного из них — романа Таласбека Асемкулова «Талтус» («Полдень», 2003 г.) — связана с судьбами человека и традиционного искусства в современном мире, с темой преемственности и разрыва с духовной традицией в казахской культуре. Казахская класси-

ческая традиция в искусстве показана в романе через судьбу нашего современника Аджигерея, через детство и отрочество этого мальчика из аула — ученика традиционного музыканта — кюйши Сабыта.

Аджигерей в изображении Т. Асемкулова выступает как «почвенник» — продолжатель народной духовной традиции, остро ощущающий уход ее из современной действительности, в связи с чем в его сознании происходит надлом. Фактически герой живет в двух мирах одновременно (мире реальном и воображаемом), однако писатель в своих интервью настаивает, что опирался на собственный, личный опыт и хотел бы, чтобы содержащаяся в романе информация о судьбах традиционной казахской культуры воспринималась читателями как реалистическая.

В мифологии существует широко распространенное представление о скрытом от глаз обычных людей некоем сакральном центре и его хранителях, одновременно защищающих его от непосвященных и являющихся посредниками между мирами. Как правило, символом такого центра выступают образы дворца, недоступной горы, острова, подземелья, где живут бессмертные. В то же время в кельтской мифологии есть образ «музыки из-под волн», таинственным образом воздействующей на людей так, что люди не могут сопротивляться музыке, исполняемой загадочными пришельцами («бессмертными») из океана. В своем романе Т. Асемкулов устами кюйши Сабыта открывает читателю, что в казахских легендах есть образ Нуртоле, по мнению автора, аналогичный образу Коркута или даже еще более древнему образу.

Согласно легенде, Нуртоле своей музыкой увел в Синее море змей, захвативших Казахскую Орду. Когда море или озеро волнуется, в народ говорят: это Нуртоле играет под водой, утихомиривая змей. Не случайно в старину древние кюйши именем Нуртоле давали свое благословение (бата) ученикам, закончившим обучение именно в буранный, ветреный день, словно прислушиваясь к «шепоту Тенгри».

Если буря — это Нуртоле играет кюй, гласит легенда. Через благословение учителя молодой музыкант погружался в стихию кюя, навеки отождествляясь с ним. В финале романа Т. Асемкулова «посланец» забытой традиции Аджигерея покидает дом умершего учителя, где прошли его детство и ранняя юность. Он отправляется в самостоятельную жизнь, должен стать ее частью и передать нам свое послание.

Аджигерей слушает рассказы аульчан о гражданской, Второй мировой войне, сталинских лагерях, но рассказы эти лишены временной конкретности, являясь некоей условной рамкой. Устные предания о временах Аблай-хана также выступают в качестве фона, рамки для чего-то более значимого. Детский мир представителя традиционной казахской музыки Аджигерея практически однороден в этническом отношении, всех персонажей романа условно можно разделить на две группы: старики — учителя Аджигерея или просто внимающие его исполнению слушатели и молодежь, которая установила качели где-то «за рекой», шумно развлекается под гитару, не желая прикоснуться к искусству стариков, послушать их рассказы.

Изредка в романе появляется аульная советская школа, председатель сельсовета и другие «современные персонажи», еще более акцентирующие отдаленность

Аджигерея от нашего времени. Для его одноклассников — соседей и товарищей детских игр в десятом классе искусство Аджигерея оказывается неожиданной новостью, еще более отдаляющей его от сверстников.

Таким образом, мир высокой традиционной культуры у Т. Асемкулова «уходит под воду» символически, под влиянием «музыки из-под вод». Устами стариков причина этого — в пережитых трагических событиях времени, в революции, бесконечных войнах, в результате которых исчезла элита — ценители искусства:

«Наше время закончилось. Одна нога в могиле, другая на земле. Но что будет с народом, который мы оставим? Думаешь, сегодняшняя элита понимает, что такое домбра, песня или кюй? Один акын сказал: “Из черни поднявшиеся тузы”. Если такова элита, то каков народ, который на нее ориентируется, который ей подражает?

Когда-то люди отправлялись в далекое мучительное странствие, чтобы найти домбристу, выучить кюй. Теперь мы как ковчег, оставшийся на вершине Казыгурта. Все наши истории — ложь. Кто поверит в рассказ о былом торжестве, об исчезнувшем народе, под которым прогибалась земля? Если веришь, до сих пор еще никто не искал меня. Ухожу, не дождавшись ученика», — делится своей болью широко известный в Степи домбрист Сабыт [3].

Говоря о своем ученике — усыновленном им внуке Аджигерее, старый музыкант горестно продолжает:

«Лишь несчастный может вынести искусство. Судьба, запечатленная на лбу моего внука, — бесконечно мучительна» [3].

В этих словах Сабыта звучит понимание: Аджигерей — особенный человек, на которого снизошел Дух, талант, искусство, и его ждет особая судьба, особый путь.

Старик усыновил внука, чтобы воспитать его и передать ему свое отмирающее в современном мире искусство. И он чувствует: это ему удалось. Сердце мальчика — это сердце человека искусства, он видит, чувствует и понимает сердцем, погружаясь в иной мир. А.А. Блок в этой связи писал: «Нет специальных видов таланта, а есть только талант души». А сам Т. Асемкулов в одном из интервью говорил, что в мире есть только одно искусство — искусство жить, искусство жизни.

Дед тревожится о судьбе подростка: путь человека искусства нелегок, о чем свидетельствует его собственная судьба. Он потерял богатство, впал в нищету, утратил родину и всех близких, больше двадцати лет провел в сталинских лагерях... Испытывающий удары судьбы, он живет как будто в другом, забытом мире и времени, еще не совсем исчезнувшем.

Возникает символическая параллель, озвученная в словах аульного кузнеца Ахметжана:

Железо гноят, несколько раз убивают, черную кудрявую ржавчину несколько раз плавят. В конце концов железо возвращается в младенческое состояние, как при сотворении мира, после этого его бесчисленное число раз сгибают, месят как тесто, вытягивают как камчу..

Весь этот процесс, хорошо знакомый кузнецу Ахметжану, очень напоминает алхимию, отделение золота от всего наносного. Напомним, что в традиционных

культурах процесс оказывался важнее результата, сродни алхимии, алхимическому пониманию искусства. Любой Творец — алхимик в известном смысле, в процессе творения совершенствующий свою природу. Известный исследователь М. Элиаде отмечал в этой связи, что вплоть до начала XX в. сохранялось сакральное отношение к кузнецу, его искусству, которому придавалось оберегающее и даже исцеляющее значение, сродни шаманским техникам [4. С. 98].

Авторская ассоциация относительно связи между традиционной технологией обработки железа и судьбой кюйши Сабыта, творческого человека, напоминает также о мысли К.Г. Юнга об алхимии как основе, архетипе духовного роста, сохранившегося в бессознательном человека. Духовный Путь открыт для каждого, но необходима решимость, чтобы идти по нему через все препятствия, страдания, противоречия. Конечная цель Пути — выход за рамки противоречий и противоборств, достижение единства и гармонии.

Как известно, Альбер Камю вслед за другими философами выделял музыку из других искусств как мир непознаваемого, как самое совершенное выражение *идеальной мира*. Подлинное искусство ведет к осознанию земным, смертным человеком своей ограниченности, смертности ввиду явления Абсолюта, безграничного и бессмертного. Так, слушая интерпретацию домбристом Газизом кюя Таттимбета, Аджигерей испытывает эту метафизическую тоску.

Вопрос о судьбе Аджигерея, избранном им пути в современном мире остается в романе открытым. Он наш современник и в то же время — продолжатель духовной традиции, человек, находящийся в пути. Его наставник Сабыт — творец и символ традиционного искусства и мировоззрения, всем своим существованием утверждающий его необходимость сегодня. Аджигерей, являясь его учеником, также должен отождествиться с традицией. Но возможно ли это для современного человека? Возможность полноценного существования духовной традиции в современном мире, когда ее носители живут рядом, противоречивое положение художника, ее Хранителя, будет освещен в продолжении романа Т. Асемкулова. «Полдень» — это только первая часть задуманного писателем романа о музыке, его автор является признанным среди профессионалов знатоком и талантливым исполнителем казахских кюев.

Прозаик, главный редактор «Казахфильма» Дидар Амантай в романе «Цветы и книги» («Гүлдер мен кітаптар») при помощи его главного героя — писателя Алишера — ведет собственный философский и религиозный поиск, основанный на той духовной толерантности, которая присуща Центральной Азии в целом. Этот роман, также ставший победителем конкурса «Современный казахстанский роман» в 2003 г., вышел уже на трех иностранных языках, и работа в данном направлении продолжается. Эпиграфом к «Цветам и книгам» взяты слова из Книги Тенгри: «Какое из них уступает одно другому: тьма, избегающая света или свет, разгоняющий тьму?» Противоборство света и тьмы, заявленное в эпиграфе, определяет сюжет и структуру повествования книги, начиная уже с первой ее части, озаглавленной «Алишер»:

Землю накрыл туман. Небо провисало все ниже. Под его гнетом невозможно было расправить плечи, люди вынуждены были перебираться ползком. Тяжелейшей из мук оказалось именно это бессилие распрямиться в рост [5. С. 76].

Как выясняется далее, это был сон, но он мало чем отличается от действительности, в которой живет герой Д. Амантая — молодой писатель, житель мегаполиса Алишер, мечтающий сотворить «Книгу Тенгри».

Алишера, по его словам, волнуют три вопроса: что есть книга, что связывает день сегодняшний и прошлое, кто есть тюрки? Герою Д. Амантая никак не удастся завершить роман, посвященный событиям из истории древних тюрков — «о распаде великой династии на два лагеря», о том, как люди, разбившись на «сорок родов», обрушили законы, установленные Всевышним. В результате были забыты коренные ритуалы сватовства и братства, извращены нравы, утеряны память и разум... Книга Алишера должна стать «плачем» по утеревшим веру в Тенгри тюркам, скорбной песней об исходе сотрясавшей Степь битвы.

В книге приводятся длинные списки авторов всех континентов, мысли которых созвучны авторским. Среди них — и Абай, и Махамбет, и наш современник Олжас Сулейменов. Причудливо сближаются древняя кипчакская, сакская цивилизация и реалии современного мегаполиса. По мнению автора и его alter ego Алишера, в чем он вполне солидарен с Т. Асемкуловым и его героями, современники безнадежно отделились от внутренних основ тюркской культуры, столь близкой ему, утратили Бога Тенгри — Верховное божество степного мира, где «природа является верховным правителем, сегодня теряющим свою магическую и загадочную ауру» [5. С. 91].

Немало места в «Цветях и книгах» отдано металитературной проблематике, «агонии» книги и «жизнеспособности» литературного творчества в целом в XXI веке, размышлениям о специфике литературного труда и психологии литературного творчества. Эта тема, в частности, является предметом бесед Алишера и журналистки Жамили. Можно наблюдать все то же, заявленное с самого начала, противостояние «света и тьмы»:

Разве не в том цель творчества, чтобы вылечить болящего, спасти умирающего, отвести подступающий на рассвете призрак смерти от того, кто в муках бессонницы готов к роковому решению. По сути, книге назначено отрицать небытие. Его же роман пропитан безысходной печалью. Или, можно надеяться, он побудит читателя к размышлениям и облегчит хоть кому-нибудь бремя личных невзгод [5. С. 101].

Не случайно для Алишера все вокруг пахнет книгами, книжной пылью: «Можно предположить, — рассуждает Алишер, — что все литературные приемы исчерпаны, а талант вполне заменяет ловкость письма». Однако все его мучения, связанные с процессом создания книги, и сама книга, отрывки из нее, «вмонтированные» в повествование, свидетельствуют об обратном. Изменился читатель, который «может или бездумно следовать за излагаемой хроникой, или проникнуться мыслью, лежащей под спудом внешне хаотичных событий романа. Он сам выберет то, что ему интересно». Немало интересных сведений можно почерпнуть из главы «Летопись», в которой освещаются этапы и специфика формирования письменности, главы «Автор», в которой говорится о «хорошем авторе» и писателе «модного направления, похожего на родителя-тирана, уверенного в своей власти над волей и свободой собственного отпрыска» и др. А в самом конце гла-

вы дается типичное для повествователя обобщение: «Пришло время автору дать свободу произведению».

Глава «Цветы» — одна из самых лирических в повествовании Д. Амантая, ведь

все цветы — желанные дети земли и солнца. Не успеете донести до дома, как на ваших глазах раскроются их нежные и яркие лепестки. А как вам крапчатые листья колеуса, меняющие цвет в тени и сумерки?

Цветы, рождая возвышенные мысли, становятся символом свободы и одиночества, а книги, развивая чувство мысли, превращаются в символ преодоления хаоса, символ духовности.

В финале произведения Алишер умирает в карете скорой помощи, так и не завершив свое творение. А еще раньше им были собственноручно сожжены все черновики и наброски. Цветы, которым в повествовании отдано столько внимания, все до единого увядают, лишены внимания и заботливого ухода со стороны хозяина — но остаются строки из рукописей, которые «не горят».

Поэтому ощущения утраты у читателя не возникает, хотя точка зрения героя представлена фразой: «Время литературы прошло»... Однако сам автор, по нашему мнению, так не считает, демонстрируя не только глубокое знание древней истории тюрков, тюркской мифологии, но и постмодернистскую игру со словами, со звучанием словосочетаний, возвращая слову его изначальную музыкальность — именно этим объясняется длинный перечень названий цветов и книг, далеко не случайный. Вероятно, через способность к «внутреннему» слуху и речи подводит Д. Амантай к главному — мысли о диалоге культур и цивилизаций, как полагает известный казахстанский культуролог и литератор, редактор журнала «Тамыр» А. Кодар [6]. Таким образом, оба писателя, представляя казахскую интеллектуальную прозу периода независимости, ведут собственный, столь разнящийся между собой, поиск эстетически самодостаточных форм и принципов повествования в произведениях о творцах культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Абдезулы Қ. Әдебиет және өнер. (Абдезулы К. Литература и искусство). Алматы: Қазақ университеті (Казахский университет), 2003.
- [2] Абдезулы Қ. Таныш көкжиегі. Оқу құралы (Абдезулы К. Горизонт Таныш: учеб. пособие). Алматы: Арыс, 2009. 272 с.
- [3] Асемкулов Т. Талтус (Полдень). URL: www.otuken.kz/index.php/2013-04-05 (Дата последнего обращения 28.09.2015).
- [4] Элиаде М. Азиатская алхимия. М.: Юнус-К, 1998.
- [5] Амантай Д. Цветы и книги (Гүлдер мен кітаптар) // Аманат. 2007. № 6. С. 76—117.
- [6] Кодар А. «Андеграунд» пора выводить на свет. URL: Режим доступа: www.dialog.kz 18.06.2007 (Дата последнего обращения 28.09.2015).

THE PROBLEM OF THE MODERN PERSON AND TRADITIONAL ART IN MODERN WORLD

A.O. Azizova, B.U. Zholdasbekova

Al-Farabi Kazakh National University
Al-Farabi Avenue, 71, Almaty, Kazakhstan, 050038

In this article the problem of the modern person and traditional art in the modern world is considered. On the basis of the analysis T. Asemkulov's work "Midday" and D. Amantaya "Flowers and books" the problem of loss and alienation of traditional culture in the field of dwelling of "a modern era" reveals.

Focusing attention to images being the sacral center, so-called sacred values the author of article emphasizes skill of the artist who created shape of the modern person and "Adzhigerey's pochvennik" remote from the contemporaries and the young writer Alisher dreaming to create the book of history. Both of them are followers of national spiritual tradition. If in T. Asemkulov's prose the world of high traditional culture "leaves under water", at D. Amantaya "time of literature consigns to the past".

In article the author gives examples which deeply open a problem of alienation of traditional culture and which draw a picture of cross-cultural dialogue and a civilization in prose of writers of the period of independence.

Key words: tradition, traditional, culture, art, spiritual tradition, outlook, tolerance, literary

REFERENCES

- [1] Abdezuly K. *Literatura i iskusstvo (Әdebiyet zhәне өнер)* [Literature and Art]. Almaty, Kazakh university Publ., 2003.
- [2] Abdezuly K. *Tanysh көкжиегі. Оқи қыралы* [Horizon Tanysh. Tutorial]. Almaty, Arys Publ., 2009. 272 p.
- [3] Asemkulov T. *Taltus (Polden')* [Midday] // Available at: [www.otuken.kz /index.php /2013-04-05](http://www.otuken.kz/index.php/2013-04-05) (Accessed 28 September 2015).
- [4] Jeliade M. *Aziatskaja alhimija* [Asian alchemy]. M.: Junus-K Publ., 1998.
- [5] Amantaj D. *Cvety i knigi (Gylder men kitaptar)* [Flowers and books] // Amanat, 2007. № 6. P. 76–117.
- [6] Kodar A. «Andegraund» pora vyvodit' na svet ["Underground" it's time to show the light] // Available at: www.dialog.kz 18.06.2007 (Accessed 28 September 2015).